

ALEA JACTA EST¹

Уже июнь. До судорог в кистях
пытаюсь лезть по скользкому канату,
Внизу — весна, прошедшая впотьмах.
Что наверху? Признание, слава — дата
триумфа, ах!

Как доползу, мгновенно пропадёт
боязнь того, что дар меня покинет.
Авось Олимп (высота всех высот)
навстречу мне когда-нибудь низринет
запретный плод.
И я борюсь. Схватившись за канат,
мозолю рук невинные ладони.

Уже июнь. Семь лет тому назад
я начал эту долгую погоню —
меня простят.

Коль упаду, останется пятно,
верней сказать, раздавленная клюква.
Зачем тружусь? По-прежнему темно.
Всё озарит единственная буква:
лихое «О».

Окружность знака станет роковой
(его границы — согнутое жало!),
поскольку жребий, брошенный судьбой,
не изменить — во что бы то ни стало —
своей мольбой.

Рывок, рывок! Едва ль со стороны
заметен я, так тянущийся к цели.
«Сизифов труд! Поэты не нужны!» —
орёт душа. Сомнения на деле
подтверждены?

ФОНАРЬ

О, фонарь, соглядатай встреч!
Сколько ты освещал прохожих?
Запах тут, как в местах отхожих,
но охота на землю лечь.

Ты — маяк, проводник к мечте.
Как уйти от смертельной кары?
Под тобой целовались пары,
то есть рядышком, в темноте.

«Дорогая», «Прости любимый» —
все слова принимает высь.
Только вонь, словно дух незримый,
говорит им: «Достали! Брысь!»
О, фонарь! Разве смысл есть
в том, чтоб нам освещать дорогу?
Просто я не пойму, ей-богу,
как лучи воедино плесть.

Ибо мысль — это тоже луч.
ну а мозг — небольшая лампа
(если б я убежал от штампа —
стих бы был не настолько жгуч).

Расскажи-ка стальной гигант,
что тебя временами гложет?
Постоянные драки банд?
Или крики детей, быть может?

О, фонарь! У меня озноб.
Потому как в подлунном мире,
чтоб сыграть на бессмертной лире
нужно рано ложиться...
В гроб.

НАЗИДАНЬИЦЕ ДРУГУ

Совершай променад почаще,
соверши променад по чаще,
где вода вдоль стволов бежит
снизу вверх, будто явь лишилась
гравитации; знай, магнит
в виде центра Земли — терпимость
проявляет сугубо к тем,
кто безмозгл, статичен, нем...

Нагулявшись, присядь на грунт.
Одержимый судьбой секунд,
ты захочешь помчаться вон.
Время — деньги, которым здесь
делать нечего. Жаль, пленён
каждый третий призывом «грёзь
о наживе»... Короче, Стёп,
протори-ка систему троп.

СХОЖДЕНИЕ НА «ДА»

У бабра гигантского мучаюсь в лапах,
не чуя воноздрею сладостный запах
черёмухи-памяти. Лишь изо рта,

вернее из пасти, воняет гниением.
Есть фотки, конечно,
но лень им, но лень им
прошедшее строить... DasEnde². Черта.

Покамест висит лепестковая перхоть —
закончу (два года ещё) универ хоть,
а после помилует города тигр
меня. При таком офигенном раскладе,
во имя мечты,
возвращения ради,
уйду от придурками созданных игр.

С другой стороны, ностальгия чревата
потерей реальности вне аромата.
Господь, умол-я-я-я-ю, довольно химер!
Растают ли дни, что представлены кроной,
всегда белоснежной,
никак не зелёной?

Желудок зверюги — бурлит по-ангарски.
Стущаются краски.

До трапезы, значит, мгновенье осталось,
ну, самая малость...

Ура!

Весь день заезженный музон
одолевал со всех сторон:
то рок, то рэп, а то шансон.
Будь я ничем не увлечён —
лягушкой распластался б на
асфальте, прыгнув из окна.
Эх, Башлачёв! Эх, Турбина!
Им вообще хана, хана...
(знак кровотечения). Сейчас
умолк жестокий диссонанс.
— Гармонизируй про запас
мозги, Е.А.С.

ПОСЛЕБОЛЬ

Косулю баты свеживал,
от жидкости горячей ал —
не весь, понятно, только руки.
Шик — лезвием, «Держи, Санё...»,
топившееся зимовьё
усиливало мрак округи.

И сцена «Батина возня
кровопролитная» меня
естественностью характерной
для мезо-, неолита, что ль,
захватывала — послеболь
грозит любому совершенно.

Я циник? Боже, упаси,
однако за тайгу мерси
боку. Эпитеты излишни...
Потом, глотая сладкий чай,
мы осознали невзначай,
куда пришли,
откуда вышли.

ПЛАН НОЧЁВКИ НА УЛАН-ХАДА

Посижу у рисунков, оставленных здесь —
человечков, собак и бизонов.
Надо мной разойдётся прозрачная взвесь,
аромат сохранится озонов.

Надо мною ударит великий шаман
в очень туго натянутый бубен.
Я усвою, что данной эпохе не дан,
что я был и, конечно же, буду.
А потом уж добавлю рисуночек свой
к семитысячелетней картине,
дабы выдохнул кто-то: «Навеки живой
Александр» — подпишу своё имя.

Сядет долго горевший электрофонарь,
я засну, а проснувшись, увижу,

как скуласто-лобастая дюжина харь,
группа лиц, возведением хижин

занимается. Видимо, мало пещер
для такого количества Номо.
Я спущусь, пособилю — у меня глазомер
ого-го — не могу ведь без дома.

УЙДИТЕ В ТАЙГУ, ДРУЗЬЯ!

«ЦБ отменил коми-
ссию для российских банков...»,
«...и жительницу Перми...»,
«Сенсация: не Иаков...» —
газетная полоса
усыпана новостями.
Из телека голоса
о демографич'ской яме,
о выплатах за детей,
рождённых, понятно, в муках.
Ведущий стоит прямой
какого-нибудь бамбука.
Wi-Fi-ю благодаря,
YouTube без задержек кажет:
от Познера (не), Дудя
до Гоблина — он туда же.
На радио, на fm —
кипучие обсужденья
действительно важных тем,
навроде «А Трамп растение?».
Информационный шум:
бла-бла и бу-бу-бу-бум.
Тогда как лесной массив
вмещает другие звуки.
Я, дерево обхватив,
сiju на шершавом суке
сейчас, надоело всё:
Украина, коронавирус,
которым ещё Басё...
И время остановилось,
и вместо продуктов СМИ

я хаваю дичь с брусникой.
Читатели, чёрт возьми,
живите житухой дикой!
Хотя подо мной скребут
голодные волки — счастлив.
Безжизненный ваш уют
готовы покинуть щас вы?
Уйдите в тайгу, друзья,
но поодиночке. Строем
теснейшим никак нельзя.
Иначе опять построим
ИО³. Раздаётся рык
волков, моё мясо ждущих.
Я таки свободен, дик.
Охота неволи пуще.

Ржавеют во дворе изогнутый турник
и сломанные брусья.
Быть может, не вернусь я
туда, где жить привык.

А девочка несёт лохматого щенка
с подругами на встречу.
Я тело искалечил,
душа цела пока.

Единственное, чем действительно горжусь —
умением, ощерясь,
идти страданье через,
как баламут Иисус.

Неоновых огней мерцание — ТЦ,
панельные дома,
сибирская зима,
догадка о конце.

...Но однажды случится выкидыш
 фотографий. Изображения
 распечатанные ты выкинешь.
 Те, что в облаке, без сомнения,
 удалишь. Ничего от бывшего,
 кроме камушка из-под озера
 в виде сердца — ты сохранишь его.
 Даже? [Чувствую, заелозила].
 Тихо, тихо, пока не нервничай,
 будет час — разойдётесь. Признаки
 налицо: на лице-то «мелочи»
 отразились... Довольно лирики.
 До свидания. С ценным камушком,
 с бриллиантом вернусь — имущий я.
 [Закатила, как Билли Айлиш прям,
 очи черныя, очи жгучія].

ХУЖЕ, НО РЕЖЕ

«Хуже, но реже» слух скрежетом режет.
 Чаще, по мне же. Руслана уже же
 нет много вёсен подряд.
 Он захлебнулся водою речною
 талою, мутной. А кто виноват?
 Сам смастерил, подражаячи Ною,
 плот пенопластовый... «Хуже, но реже» —
 Русино кредо, он с детства страдал:
 недоедал, в заскорузлой одежде
 вечно гонял. Ф — фатальный финал.

Мы как-то курицу деда-соседа
 (мы это я и Руслан) утопили.
 Тут повторить не мешало бы кредо —
 хуже, но реже. За что утопили?
 За перелёт незаконный границы.
 Иль за другое, могу ошибиться.

Голдинг Уильям ребяческий дух
 в книге дебютной — прочтите, товарищи —

выразить смог как нельзя понимающе.
Книгу зовут «Повелителем мух».

Значит, вселенной возмездие, месть
есть.

Значит, мне тоже обнять суждено
дно.

Я и потом убивал, но
ради того, чтобы съесть.

САМООТЧУЖДЕНИЕ

выбегаю из поля зрения
разношёрстного населения

грубоватой отделки курткую
сам себя конвульсивно кутаю

а за крохотным полем зрения
беспредельная степь п р о з р е н и я

человечество разумеется
никуда от меня не денется

избивают землицу градины
остаются аж дырки вмятины

в бытовании мало смысла
я поэтому-то смылся